

Эпиграф — из Бабеля

Эти книжицы объединяет не только уже узнаваемая белая обложка — знак принадлежности к "белой" же Малой серии издательства "Оптимум", — но и то, что их авторы поместили на первых страницах своих сборников крылатые строки из наследия создателя бессмертных "Одесских рассказов", расписавшись тем самым в принадлежности к бытописателям и хроникам Южной Пальмиры.

"Слушайте сюда!"

Так озаглавлена книга Михаила Пойзнера, содержащая (и это мы отмечаем с особым удовлетворением) как рассказы, миниатюры и побасенки, публиковавшиеся в нашем альманахе, так и новые произведения.

Внимательный читатель наверняка заметил, что в заголовок рецензии нами добавлен восклицательный знак. И на то мы имели все основания.

Действительно, о чем бы ни писал Пойзнер — о детстве и юности, прошедших в доме на Молдаванке (кстати, он и сегодня, увенчанный академическим званием, обитает там же), о его колоритных обитателях, о завсегдаях Староконного рынка или о сослуживцах по уважаемому морскому НИИ, о ярких и, увы, подчас трагических событиях в истории города и его граждан — он делает это с нескрываемым чувством личной причастности. С темпераментным желанием показать, в каком необычном Городе нам с вами посчастливилось родиться!

А между тем, как метко подметил в предисловии к сборнику маститый Ростислав Александров, "не каждому случается прожить жизнь там, где родился, вырос, где прочитал первую книгу...". Михаилу это удалось, и он щедро и талантливо делится с нами этим выигрышем. Знаменательно, что многие заголовки в сборнике содержат притяжательное местоимение "мой": "Мне здесь знакомо каждое окно", "Мой Староконный", или определение "одесский".

Скажем, "одесский почерк". Это словосочетание могло бы стать подза-

головком новой книги. В ней "пахнет Одессой, ее ярким, собственноручно сделанным словом". Цитата-эпиграф из Бабеля: она хорошо ложится на эти страницы.

Паруса нашего детства

И в этом случае мы внесли в заголовок рецензируемой книги небольшое изменение. Автор — Михаил Ланднер — написал: "моего".

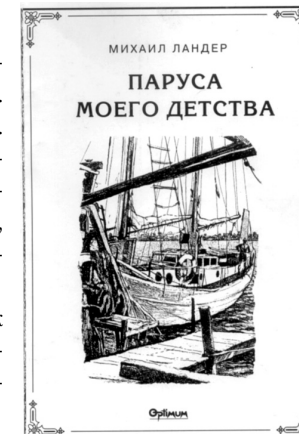
Но ведь все мы — потомственные одесситы — выросли из "бушлата" парусного капитана Лухманова, морских новелл Житкова, из марин Паустовского, Катаева, из свободной стихии Пушкина и Багрицкого...

Любопытно, но и "сухопутный" Исаак Бабель был уверен: "В Одессе каждый юноша — пока он не женился — хочет быть юнгой на океанском корабле".

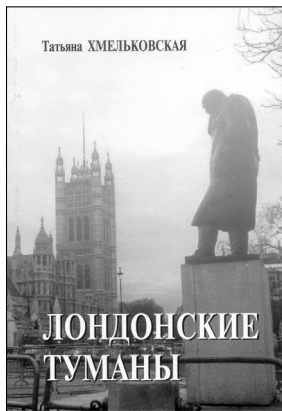
Эту фразу великого земляка Михаил Ланднер сделал эпиграфом к своему сборнику. Он как раз из таких — в 1941-м, шестнадцатилетним, стал юнгой, но не на белом пароходе, а на боевом тральщике, а через короткое время — и офицером-штурманом. А капитаном океанских кораблей — позже, после учебы и долгих лет плавания на парусных, учебных и пассажирских судах. Уже в весьма солидном возрасте он перегонял океанские яхты с верфей в порты приписки. Сейчас капитан Ланднер живет в США — на берегу Атлантического океана, но связи с Одессой не теряет. Свидетельство тому — "Паруса..."

Как и многие морские волки, всегда питал страсть к писательскому ремеслу, публиковался в газете "Моряк", но лишь в 2003 году у него вышла эта — первая книга. Все, кто привязан к Одессе и морю, найдут в ней пищу для ума и сердца. Будь то повесть о детстве и отрочестве, давшая название сборнику, рассказы о военных походах, документальные очерки. Записки бывалого мореплавателя завершаются стихотворными строками — слегка наивными, но, несомненно, искренними. Нужно ли уточнять, что и в этом случае заголовок состоит из двух уже звучавших в этих заметках слов: "Моя Одесса".

Феликс КОХРИХТ

Эссе, воспоминания, стихи

Татьяна ХМЕЛЬКОВСКАЯ
"Лондонские туманы"
Одесса. ИРЭНТТ, 2003 г.

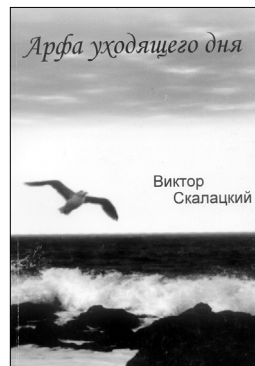
Изысканная книжка рассказов вышла в нашем городе, хоть написана она далеко в Лондоне. Когда-то с Таней Хмельковской мы вместе работали в "Вечерней Одессе", она занималась "воспитанием молодежи", я — "культурой". Как давно все это было. Сейчас Татьяну интересует проблема своеобразности Великобритании. Она пишет не рассказы, даже не путевые впечатления, а тонкие, изящные записки человека, попавшего в другой мир. Но не потерявшего связи с нашим миром. Я думаю, все, кто помнит журналистское перо Татьяны, увидит, как она выросла, как стала проникновенней, остроумней, мягче.

Марк СОКОЛЯНСКИЙ
"Некролог при жизни"
(Рассказы из внутреннего кармана)
Одесса. Optimum. 2003 г.

Марка Григорьевича Соколянского, хоть он давно уже не преподает в Одесском университете, любят его ученики, ученики его учеников. Он живет в Германии, но мыслями — о ком бы ни писал, об А.С. Пушкине, В. Шекспире, Бернарде Шоу, О. Уайльде или В. Жаботинском, — не прерывает свой диалог с Одессой.

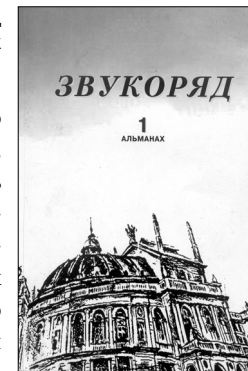
Естественно, обычный жанр Марка Соколянского — статья, монография. И вдруг он изменил сам себе. Написал серию рассказов, точнее — мемуарных историй. И все они окрашены чувством юмора, как и вся наша жизнь. Кстати, рассказ, давший название сборнику, посвящен нашему земляку, замечательному ученому Саулу Яковлевичу Боровому, чье столетие только что отметила научная Одесса.

Виктор СКАЛАЦКИЙ
"Арфа уходящего дня"
Одесса. Optimum. 2002 г.

Инженер, кандидат наук Виктор Скалацкий, живущий в Германии, в душе остается одесситом. Он не опускает голову перед трудностями, любит бардовскую песню и классические стихи. Я благодарен Виктору за то, что он не забыл своих друзей-одесситов. И с волнением прочел его стихи об Олеге Соколове, художнике, воспитавшем наш вкус.

Звукоряд
Первый альманах
Одесса. ВМВ. 2003 год.

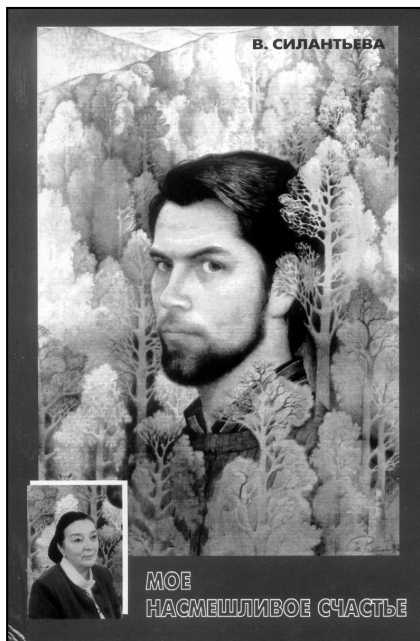
Литературная студия ОМК к 5-летию своего создания напечатала сборник молодых поэтов, встреча с которыми, как надеется руководитель студии Игорь Потоцкий, останется в памяти читателей. Очевидно, нет смысла предварительно перечислять всех начинающих поэтов, представленных в сборнике, но все же Юлию Мельник, Наталью Перстневу и Валерия Бодылева все же хотелось бы выделить. Кстати, Юлия Мельник публиковалась и в нашем альманахе, а проза (не стихи) Михаила Жилина ожидает читателя в этом выпуске альманаха "Дерибасовская — Ришельевская".

Конечно, о стихах лучше всего говорят сами стихи. И поэтому короткое стихотворение Юлии Мельник:

На крыльях бабочки написано про всё...
На них лежит Вселенная пылью.
Она себя от наших рук уносит
И странствует уже куда-то в осень,
Как в три строки любимых письмецо...
Всего в три кратких строчки этот мир:
"Жива. Здорова. По тебе скучаю".
Вся синь небес до бабочки мелькает.
Неловкими дверьми не прищечи.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

"Я давно живу в стихах..."

В. Силантьева
Мое насмешливое счастье
Одесса. "Астропринт", 2003 г.

Писатель — текст — читатель. Эта извечная триада многократно усложняется, когда самоактуализация ученого осуществляется через поэзию. Привычное деление на "физиков" и "лириков", на научное и художественное творчество в конце XX века утрачивает свою дихотомичность.

Художественное творчество ученого естественно возникает от избытка креативной энергии, от желания передать то, что уже стало не только личным. Поэтому появление второго поэтического сборника доктора филологических наук, зав. кафедрой Одесского национального университета имени И.И. Мечникова Валентины Ивановны Силантьевой было и неожиданным, и ожидаемым.

В новом сборнике поэзии совершенно органично "высшие касания" (Маслоу), соприкосновение сознания со сферой трансцендентального, сочетаются с микромиром "малой родины"; виртуальное общение с великими предшественниками — с колоритными бытовыми наблюдениями, сквозь которое просвечивает Бытие.

Биография души — это и отражение целой эпохи, истории поколения, и открытие сокровенного и единственного смысла земной жизни человека. Эпичность, повествовательное начало в лирике, так ярко и неординарно проявившееся в раннем творчестве Анны Ахматовой, характеризует и сборник В.И. Силантьевой, но эта книга — не цикл, а скорее мини-роман в стихах, потому что центростремительные силы здесь формируют именно сюжет-Судьбу, погруженную в плоть и атмосферу Времени.

Здесь одинаково важны и вилковские рассветы, и перенаселенная

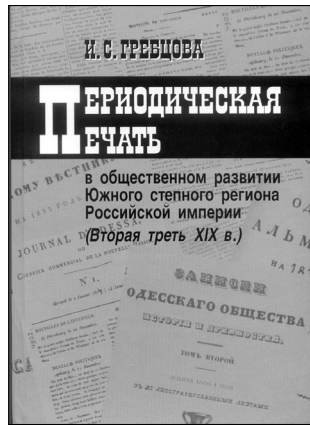
комнатушка университетского общежития на Довженко, и трудный быт сельской учительницы, и первые человеческие и научные открытия, связанные с "историческим" зданием филфака в переулке Маяковского, и причудливые лабиринты порождения советской эпохи — коммуналки на улице Княжеской. Хронотоп книги вмещает судьбу автора со всеми ее противоречиями. Действительно, "Как ни прекрасен мир подлунный, лежит тревога на челе" (Б. Окуджава).

Эта выстрадавшая книга обладает свойством аккомодации, когда эмоциональное поле художественного произведения действительно трансформирует эмоциональное поле читателя, который вовлекается в мир напряженных поисков истины, своего пути, неординарных образов, неожиданных ассоциаций:

Мне жить — как быть,
писать — как жить,
и с этим ничего не сделаешь.
Вздохнуть — и в путь,
мне быть — как плыть
в далеком море каравеллою.

Анна БЕНЬКОВСКАЯ

Ретроспективная периодика Одессы

Заголовок не вполне точен, ибо недавно увидевшая свет солидная монография авторитетного одесского историка И.С. Гребцовой на самом деле называется "Периодическая печать в общественном развитии Южного степного региона Российской империи (вторая треть XIX века)". Но нас, разумеется, в первую очередь занимают сюжеты, связанные с историей журналистики непосредственно Южной Пальмиры. И в этом смысле автор нас несколько не разочаровывает.

"Messenger", "Одесский трубадур", "Journal d'Odessa", "Одесский вестник", "Новороссийский календарь", "Южный сборник", "Odessaer Zeitung", "Меркурий", "Записки Общества сельского хозяйства Южной России", "Записки Одесского общества истории и древностей", "Гамелиц", "Кол Мевассер", "Рассвет", "Сион", "Херсонские епархиальные ведомости", "Ведомости Одесского городского общественного управления", местные альманахи (1834, 1839, 1840 гг.) — вот далеко не полный перечень тех региональных изданий, о которых идет речь. Исследовательница освещает многие малоизученные страницы истории провинциальной прессы, и в частности — ее место в реформировании административной и в целом политической системы России, позитивной эволюции образования и культуры в целом, торговли, промышленности, транспорта и т. д. Значительное внимание уделено периодическим изданиям различных этнических общин.

Книга представляет собой эталон превосходно комментированного академического издания и, вместе с тем, написана легким слогом, без неоправданных терминологических излишеств и зауми. А потому найдет массу заинтересованных читателей.

Давно и пристально слежу за творчеством И.С. Гребцовой — превосходного специалиста, доброжелательного, красивого человека. Многолетнее соиздание привело ее к логично замечательному результату, с чем искренне поздравляю и автора новой монографии, и нас, читателей.

Олег ГУБАРЬ

Одесский энциклопедист

Олегу Губарю — 50

ГУБАРЬ. Что сие означает?

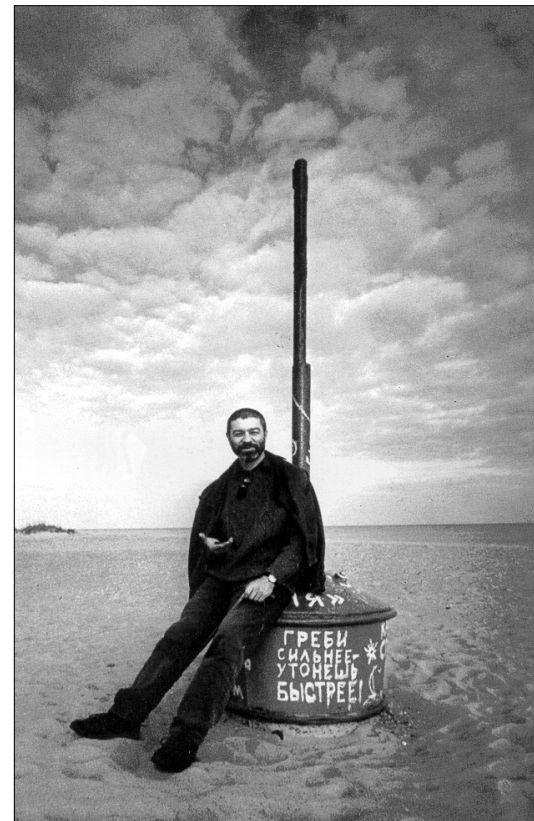
Фамилия? Да, но и гораздо большее. Посудите сами. Профессия? Конфессия? Функция? На мой взгляд, более всего — название особого подвига в эволюционном древе "Homo Odessicus".

ГУБАРЬ-ОДЕССКИЙ. Укоренился в самом сердце Южной Пальмиры. Плодовит во всех смыслах. И окрылен.

А еще — воинское звание. Гвардии Губарь активного запаса. От отца-фронтовика унаследовал склонность к доброй драке, лихость и, слава Богу, везучесть на поле брани. Будем надеяться, и его сыновья переймут эти родовые способности.

А еще прислушайтесь к звучанию, и некий острый и вьедливый Инструмент, с помощью которого археолог испытывает землю и камень на наличие в них Духа Истории. Впрочем, получается как бы вещь в себе: Губарь и сам — этот Прибор. Самонаводящийся и многофункциональный.

Вот он пьет свою легендарную граппу

(сам ее и гонит!) из хрустальной рюмки, заложенной когда-то в фундамент дома первого одесского градоначальника, а вот пытается опять же хлебнуть (но чаю!) из фрагментов разбитой чашки доброго горожанина начала XIX века, но та, в отличие от рюмки, восстановлению не подлежит. И так всегда, заметьте...

А вот еще более хрупкую субстанцию — честь графини Елизаветы Ксавьеровны Воронцовой — защитил в одной из своих работ, не попеняв при этом и юному Александру Пушкину...

А самого графа Михаила Семеновича внес в реестр своих конфидентов — в "Энциклопедию друзей", увидевшую свет накануне юбилея ее автора. Генерал-губернатор Новороссийского края соседствует в ней с "Человеком с улицы Тираспольской" — художником Юрием Андреевичем Коваленко. Ранее Олег посвятил ему, человеку яркому, талантливому, но обладающему неумемным нравом, исповедальную книгу, в которой, пожалуй, наиболее точно выразил свое жизненное и писательское кредо. В ответ на недоуменные вопросы о том, почему же самобытные люди (в том числе и юбиляр!) порой совершают поступки, ошарашивающие окружающих, он приводит объяснение, услышанное от "простой русской женщины": "ЗНАЧИТ, НАДО ИМ!".

Теперь и нам понятно, зачем Губарю понадобилось тратить уйму времени, сил да средств, чтобы подарить нам к своему дню рождения эту "Энциклопедию". Она, несомненно, еще послужит Одессе. Автор этих строк (и он упомянут в объемистом томе, чем дорожит) вовсе не страдает манией величия. Не мы — скромные персонажи Мемориала, созданного Губарем, будем интересны потомкам, а само Время, в которое мы живем и зафиксированы Одесским энциклопедистом.

Впрочем, вовсе не новым Дидеротом, а скорее, Вольтером предстает наш современник в своем труде. С симпатией, но не без ехидства подмечает он в каждом из нас причуды и дисфункции. Признаюсь, будучи упомянут и в других книгах Губаря, порой ощущаю себя щепетильной дамой, решившейся в ночь под Новый год перейти заледеневшую улицу при не-

работающем светофоре. А что как грохнешься да взметнешь ноги при честном народе? Надо держаться и соответствовать... Автор уже навел на тебя свой Прибор...

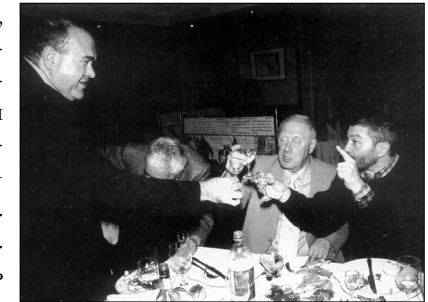
Справедливости ради замечу, что и себя Губарь не только не щадит, но и особо мытарит в своих книгах — почище, чем друзей и родственников. В "Second Hand" признается: "Похоже, я все время что-то моделирую. Себя?". Такое признание многого стоит.

В ответ — моделируемые отвечают Олегу искренним участием: без их помощи "Энциклопедия" вряд ли увидела бы свет. Всех, увы, не перечислишь, но в первую голову назову Анну Голубовскую, а затем и Софью и Дмитрия Кобринских, Ивана Череватенко — они набрали, сверстали и украсили этот том. Те же, кто помог собрать деньги на издание, и сами про себя знают.

К месту будет рассказать о том, как воспринимают Губаря лидеры — самодостаточные, перегруженные общением люди, с опаской встречающие каждое новое знакомство, особенно с коллегами — писателями, артистами, учеными. Вот чему я был свидетель и участник.

Несколько лет назад довелось мне быть состроителем международной научной конференции "Реалии и мифы Одессы" в университете американского штата Айова. Среди звезд была и профессор Патриция Херлихи, автор фундаментальных трудов о Южной Пальмире. Нужно было видеть, как изменилось ее отношение ко мне после того, как я передал ей привет от друга-Олега! Я был и при том, когда во Всемирном клубе одесситов Михаил Жванецкий, весь вечер внимавший романсам, которые беззаветно, но тонко Олег пел под свою гитару, прочувственно заметил: "Какой у тебя, Губарь, гнусный голос. А слушать приятно...". И вот — последний пример. Игорь Губерман, известный остро слов и говорунов, во время застолья (!) постепенно замолк — только и записывал в блокнот одесские байки, которыми с ним щедро делился наш Олег...

Автор "гариков" — среди персонажей второго тома "Энциклопедии друзей", который замыслил юбиляр. В списке-анонсе, которым открывается первый, есть и реальные люди — наши современники, но присутству-

"У нас еще все впереди..."
Александр Мардань, Олег Губарь,
Феликс Кохрихт

ют и французский поэт Шарль Бодлер, и английский пират Френсис Дрейк, и дива немого синемаатографа Вера Холодная... Есть даже итальян-

Три Олега
(Губарь, Владимирский, Филимонов)

ский физик Джорджи Торриччели, как бы "открывший" Пустоту, которую, как известно, не любит матушка-Природа. И не терпит, не выносит Губарь. И он ее постоянно заполняет.

В ближайшее время состоится мировая премьера уникального (роскошного!) издания "Старая Одесса в открытках". Есть в ней статья профессора Херлихи, но ос-

новную работу по сбору и комментариям материала проделали наши земляки — Олег Губарь и Александр Розенбойм. Составитель сборника, который, несомненно, станет сразу же библиографической редкостью, — известный американский искусствовед, эксперт Фонда Гугенхайма Ник Ильин. И о нем намерен рассказать Губарь во втором томе.

А вот персонажи третьего тома нынче подрастают. И среди них — Федор и Феликс — сыновья Олега и его жены Виктории. Будущие Одесские энциклопедисты.

Феликс КОХРИХТ
Фото Ивана ЧЕРЕВАТЕНКО

"Олегу Губарьку

Дорогой уникальный Олег Губарёк!
Вот пятьдесят?

Представь себе, что я там уже был.
Я даже был там, куда ты едешь!

Там хороши только женщины, скорости и соедине-
ние порыва с рывком.

Жду тебя с твоей среднерусской внешностью на
Среднерусской возвышенности, откуда это все видно.

Губарёк, твое появление в нашем клубе украсило его
бородой, палкой, талантом и потрясающим самогоном,
от которого трудно что-то вспомнить, но легко все
представить.

Не знаю, как сказать, но ты замечательный человек.

Прекрасному писателю нельзя это говорить, он
обижается.

Расставь эти слова сам.
Я теперь всегда с тобой.

Так что далеко не ходи.

Целую, обнимаю и крепко жму твою палку.

Наша радость
ваш Жванецкий".

Баллада о Короеде

Олегу Губарю – с восхищением и любовью

Жил-был в Одессе короед...
Послушай, я не вру.
Порой жевал он на обед
Сухариков кору.

Он котлованы прогрызал,
Бутылками звеня,
И в винный нисходил подвал,
И брал с собой меня.

Он презирал манок столиц,
Дурной амикошон.
Он прогрызал сердца девиц,
А также юных жен.

Они его ласкали стан,
Детишкам звали в папы.
Он заходил в журнал "Фонтан"
С бутылкой свежей граппы.

Он был своим в любом дворе
(Известности излишки),
Он буквы прогрызал в коре —
И это были книжки.

Исполненный могучих сил,
Люби, гуляй, борись!
Что значит — жил?
Что значит — был?
Ты есть,
Ты будешь грызть!

Послание Губарю

Милостивый государь,
Достоцитимый Губарь!
Вам не ведать ли, как встарь
Обращаться любо
Было к тем, к кому душа
Вся была открыта
И, кого узреть спеша,
Маялась от быта.

Небанальный разговор,
Ракурс непривычный,
Золотой деталей сор,
Взгляд сугубо личный.
Ненавязчивый циннизм,
Истовое пенье,
Сдержанный алкоголизм,
Слушать дам терпенье.

Верность в дружбе, пунктуаль-
ность плюс деловитость,
Взгляд порою вглубь и вдаль:
Где ты, дольче вита?
Страсть к ходьбе, уставя взор
В линию бордюра:
Вдруг какой-то крохобор
Уронил купюру.

Вера в магию вещей,
В тайный смысл предметов.
Знатье, что сухих лещей
Лучше к пиву нету.
Верность формуле Творца:
Что ему Гекуба?..
Ну найдешь ли молодца
Лучшего, чем Губарь?..